

	ИСЛАМ И КУЛЬТУРА Ответственный за рубрику: <i>Р.И. Сефербеков</i> © <i>Исламоведение</i> , 2017. Т. 8, № 4 (34)	ISLAM AND CULTURE Person in charge of the section: <i>R.I. Seferbekov</i> © <i>Islamic Studies (Islamovedenie)</i> , 2017. Vol. 8, № 4 (34)
---	---	---

DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-4-72-80

УДК 297:398

Содержание статьи

Информация о статье

*А.Р. Гашарова*¹

Введение
Причины негативного отношения к духовенству
Образ духовенства в сказочной прозе и малых жанрах фольклора
Антиклерикальные песни
Заключение

Поступила в редакцию: 19.06.2017.
Передана на рецензию: 26.06.2017.
Получена рецензия: 10.07.2017.
Принята в номер: 25.09.2017.

Антиклерикальные мотивы в фольклоре лезгин

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН; aida.2015@yandex.ru

В статье дается краткий анализ лезгинских народных лирических песен, сказочной прозы и произведений малых жанров фольклора о слуге культа в исламе – мулле. Автор статьи предпринята попытка выявить основные черты образа муллы на основе фольклорных текстов лезгин. В текстах обнаруживаются различные стороны его описания: характер, внешний вид, внутренний мир и т. д. На основании исследования устанавливается, что ни в одном тексте духовное лицо не позиционируется с положительной стороны. Все тексты носят резко отрицательный характер. В сознании людей выработался определенный стереотип нелицеприятного образа слуги духовенства. Сформулированы основные причины, которые возможно и привели к созданию подобного рода произведений. Наличие антиклерикальных мотивов в фольклоре народов Дагестана автор статьи объясняет бесчинствами и произволом мулл-вымогателей, которые главным образом были обращены к наиболее социально уязвимым слоям горского населения. Обличительными стихотворениями сатирического характера известны многие классики дагестанской литературы.

Ключевые слова: *лезгинский фольклор, необрядовая лирика, сказочный жанр, общество и духовенство, образ муллы.*

¹ *Аида Руслановна Гашарова* – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела фольклора, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, orcid.org/0000-0002-1651-1740.

DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-4-72-80

UDC 297:398

A.R. Gasharova¹

**Content
of the article**

Introduction.
The reasons for the negative attitude to the clergy.
The image of the clergy in fairy-tales and small genres of folklore.
Anticlerical songs.
Conclusion.

**Information
about the article**

Received: 19.06.2017.
Submitted for review: 26.06.2017.
Review received: 10.07.2017.
Accepted for publication: 25.09.2017.

Anti-clerical Motifs in Lezghian Folklore

Institute of Language, Literature and Art, DRC of RAS; aida.2015@yandex.ru

The article provides a brief analysis of Lezghian folk lyric songs, fairy-tale prose and works of small genres of folklore on the mullah, Islamic clergyman. The author attempts to reveal the main features of the image of the mullah. The texts represent various aspects of mullah's personality: character, appearance, worldview, etc. The author has established that in no text this spiritual person is presented on the positive side. Moreover, all the texts represent the mullah in a sharply negative way as a person deprived of such desirable qualities as honesty and impeccability of actions, intelligence and goodwill. The main reasons that may have led to the creation of such works are formulated. The author explains the existence of anti-clerical motifs in the folklore of all Dagestani peoples by the excesses and arbitrariness of mullah-extortioners, who mainly dealt with the most socially vulnerable segments of the population. Accusatory satirical poems are also known to belong to many classics of Dagestan literature.

Keywords: *Lezghian folklore, non-ritual lyrics, fairy-tale genre, society and clergy, image of a mullah.*

Введение

Становление национальной буржуазии, развитие национально-освободительного движения, изменения в социально-экономическом отношении, распространение идей коммунизма – все это повлекло за собой перемены во взглядах на роль ислама в обществе. Прежде всего это касается изменений, произошедших в общественном самосознании. Народ стал открыто выражать свое отношение к угнетателям, которые стремились к духовному закабалению бедняков. Безымянные мастера слова умело пользовались юмористическими, сатирическими и другими приёмами, чтобы высмеять нерадивых служителей культа и открыть глаза людям на реальную действительность.

Несомненно, существовали социальные причины недовольства и негодования муллами. Характеристика, которую народ даёт представителям господствующего класса, неутешительная. Ненависть к недобронравным муллам, непочтительное отношение к отдельным религиозным деятелям характерны не только для народов Дагестана. «Наше духовенство, – писал В.Г. Белинский, – находится во всеобщем презрении у

¹ Aida Ruslanovna Gasharova – Cand. Sc. (Philology), researcher, Gamzat Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Research Center, RAS, orcid.org/0000-0002-1651-1740.

русского общества и народа... Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет дурья порода, колуханы, жеребцы? – Попов. Не есть ли поп для Руси, для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонства, бесстыдства?» [1, с. 215].

Причины негативного отношения к духовенству

Отношение народа к религии и служителям религиозного культа было разным. Во многих легендах и преданиях вырисовывается мусульманская концепция покорности Аллаху, четкое осознание необходимости веры. Противоположное мнение сложилось у народа относительно духовенства. В фольклоре лезгин находят отражение такие качества народа, как непочтительное отношение к муллам и другим служителям духовенства.

Анализ фольклорных материалов позволяет представить образ муллы, какими чертами характера его наделил народ, как именно его воспринимали в горском обществе. При рассмотрении образа духовного лица, на первый план выдвигаются его пороки. Мулла в фольклоре хитер, морально неустойчив, у него много грехов. Муллам часто приписывали корыстолюбие, причём в центре внимания оказывалось духовное лицо и источники его дохода, а не те условия, которые ему диктовало общество.

В ряде произведений народ стремился высмеять не только негативные черты характера муллы, но и те обязанности, которые он выполнял в повседневной жизни (ритуальный обряд похорон, омовение покойника). Главная причина негативного отношения к духовенству и создания отрицательного образа муллы в лезгинском фольклоре, по нашему мнению, это установленная плата за ритуальные обряды, обучение в медресе и т. д. «Дети знати и духовенства получали образование в медресе, которые были при мечетях и, скорее всего, содержались за счет ханской казны и пожертвований. Простое население знакомилось с азами религии и получало образование в домашних школах-мектебах» [9, с. 104].

Подавляющее большинство горской части населения оставалось безграмотным, поэтому в решении насущных проблем обращалось исключительно к мулле. В общественной жизни мулла выполнял очень много обязанностей (ежедневный, пятничный (джума) и праздничный намазы; обряд имянаречения; джаназа намаз; брачно-семейные отношения (никях и развод); раздел имущества; мавлиды и т. д.). Мулла также выполнял функции лекаря и знахаря (изготавливал целебные мази и отвары, писал амулеты с аятами Корана, чтобы уберечь от сглаза и отгонять злых духов). Все эти услуги материально вознаграждались. С муллой рассчитывались деньгами, сельскохозяйственными продуктами и т. д. Зачастую для бедняков это была непомерная ноша. Мулла собирал пожертвования с верующих и в дни главных праздников мусульман (Ураза-байрам и Курбан-байрам). Кроме того, каждый мусульманин после сбора урожая выплачивал закят (гушр), десятую часть с продуктов земледелия, на содержание муллы и в пользу бедняков. Мусульманское духовенство владело огромными земельными уделами. Это было имущество (вакф), переданное на религиозные или благотворительные цели в фонд мечети. Муллы и другие представители мусульманского духовенства существовали за счет подаяний (садака) верующих, а также за счет неофициальных налогов (закат, вакф), собранных на нужды мечети, малоимущих и т. д.

В разоблачении и осуждении деспотизма религиозной верхушки наметились две тенденции: просветительская и революционно-демократическая. В период коллективизации крестьянских хозяйств духовенство противостояло новым порядкам и выступало за патриархально-феодалные пережитки. Таким образом, «духовенство на определен-

ном этапе стало восприниматься тормозящим фактором на пути прогрессивного развития народа» [4, с. 93], что привело к подрыву авторитета духовного лица среди народных масс.

Образ духовенства в сказочной прозе и малых жанрах фольклора

Простой народ, который находился в тяжелых жизненных условиях политического и религиозного гнета, начал выступать против мусульманского духовенства, открыто высмеивая их пороки в фольклорных текстах. «Народный юмор и сатира ополчились против мулл, кадиев, дибиров, которые, защищая интересы господствующих классов, решали дела, как правило, в пользу богатых» [5, с. 185]. Особенно остроумно обличается в сказках зло, совершаемое духовенством. В наиболее древних сказках под видом животных часто скрываются муллы, ханы, беки. Примером может послужить сказка «Лиса и волк» («СикІни жанавур») [12, с. 108–111], которая высмеивает фальшивое благочестие духовенства.

В сказках о животных явное предпочтение отдано представителю народа, который одурачивает своих антиподов. Превосходство народного героя проявляется в том, что он умнее, хитрее своих противников и поэтому выходит победителем. Изображение превосходства представителя народа над господствующим классом является весьма поучительным. Отношение к духовенству во многих произведениях несколько ироничное: мулла алчен, жаден до денег, он старается всё прибрать к своим рукам и обманом завладеть богатством, тем самым одурачив главного героя. В итоге он сам оказывается в проигрыше. Мотив всепобеждающей хитрости является главным элементом сказок о животных. В этом отношении большой интерес представляет и сказка «Лис и волк» («СикІни жанавур») [12, с. 89–92]. Главный герой сказки – «это лис Фалфараш-ахун. Он даже внешне похож на муллу – у него такая же борода и четки, и он такой же ханжа, как мулла» [8, с. 62].

Подобные образы мы часто встречаем в бытовых (новеллистических) сказках, где отдельное место отведено служителям культа, которые стали предметом сатирического изображения в силу противоречия той морали, которую проповедовали. Показателен образ прелюбодея-муллы в сказке «Как муллу уложили в люльку» («Фекьи кьепІна турвал») [13, с. 288–290], который получает по заслугам. Главный герой сказки – мулла представлен в противовес обычному горцу-бедняку.

Примером острого сатирического пародирования является и сказка «Мулла и чабан» («Фекьини чубан») [6, с. 250–251]. В ней повествуется о том, как муллу попросили прийти хоронить бедняка, но он не идет. Однако, на просьбу похоронить собаку главного чабана («серкера») мулла дает свое согласие, зная, что тот даст ему хорошее вознаграждение за ритуал. Необычное в этой сказке то, что мулла хоронит собаку с прочтением молитвы. Тут же чабан разоблачает муллу. Подобные произведения рассказываются с назидательной, нравоучительной целью. Для разоблачения пороков господ немаловажную роль играет и юмор.

Мотив всепобеждающей хитрости прослеживается и в анекдотах, где действие обычно разворачивается вокруг определенного исторического лица. «Хлесткие анекдоты («кьаравили»), продолжая традиции бытовой сказки, острием социальной сатиры навеки пригвоздили к позорному столбу паразитический нарост на теле трудового народа» [2, с. 85]. Так, героями многих анекдотов и притч являются: Молла Насреддин – прямодушный, энергичный, веселый шутник (известный у лезгин и под именем Кваса), Кас-буба – мудрец, любимец простого народа. «Персонажи в притчах – носители дидактической функции. Эти герои – приверженцы справедливости, доброты

и мужества» [3, с. 110]. Они острым словом боролись и противостояли богачам и эксплуататорам. «Политическая острота антифеодальной и антиклерикальной сатиры, – отмечает У.Б. Далгат, – усиливалась еще и тем, что сатирическое изображение ханов, биев, кадиев, мулл и других служителей культа являлось (в силу их особого положения в общественной системе Дагестана) сатирой и на шариатский суд, и на весь феодальный строй» [5, с. 187].

Беспредельная жадность служителей духовенства, их стремление к наживе за счет трудового народа обличается и в притчах. Так, в притче «Кас-буба и кадий» [11, с. 324] устами Кас-бубы народ говорит о ненасытности и жадности сельских мироедов-мулл, отбиравших у бедных часть зерна или муки в виде оброка, полученного со своего маленького клочка земли. А к зиме трудовой народ оставался без средств к пропитанию.

Как известно, основным источником анекдота является глупость. О непомерной тупости мулл говорится в таких анекдотах, как «Груши» («Чуьхверар»), «Или баня, или соловей» («Я гьамам я, я билбил»)¹. В последнем из них рассказывается о том, как однажды в Рутул приезжает один туркмен с верблюдом. Народ заинтересовался, что это за существо. Собравшись, они отправляются к «всезнающему» мулле, а тот отвечает: «Многих вещей я видел на свете, везде и всюду я побывал, даже в Багдаде, но такого существа я в жизни не встречал. По-моему, это или баня, или соловей. Только их я на свете никогда не видел». С помощью приема саморазоблачения обнажается в анекдоте истинное лицо «всезнающего» муллы, который на самом деле не знает самых простых вещей: он не видит большой разницы между верблюдом, соловьем и баней. В этом проявляется комизм всей ситуации.

Эти мотивы органически вошли и в структуру паремий. Как и четверостишия, пословицы затрагивали проблемы, волновавшие народные массы. К примеру, «У муллы карман подобен мешку бедняка» («Фекьидин жибин кесибдин чуван кьванди жеда»), «Мулла несет службу, озираясь на долю заката» («Фекьиди закатдиз килигна, фекьивалда») [10, с. 237].

В лезгинских паремиях отразился жизненный опыт народа, приобретенный на протяжении веков. В них особенно ярко представлены идеология народа – «За деньги не только муллу, но и шариат можно купить» («Пулдихь фекьи анихь амуькьрай, шариатни кьачуз жеда»), их повседневный быт – «Когда умирает бедняк, мулла притворяется больным» («Кесиб рекьидайла, фекьи азарлу жеда»), социальные отношения с властью имущими – «Мулла просит у народа, а народ – у Аллаха» («Фекьидиз халкьдивай кIан жеда, халкьдиз – Аллагьдивай»), подчеркиваются слабые черты характера представителей духовенства – «Мулла лука не ест, а найдёт – и шелуху не оставит» («Фекьиди чичIек недач, гьатайла, перишарни тадач»). Общество высмеивало и резко отзывалось на двуличие и лживость духовенства: «Пусть убережет нас Аллах от религиозных служителей!» («Чун Аллагьди фекьи-фахрадикай хуьрай!») [6, с. 265].

Антиклерикальные песни

Особое место в фольклоре лезгин занимают песни, направленные против алчных и лживых служителей религии. На смену фантастике о злых духах, дэвах, аждахах, с которыми человек боролся с помощью заговоров и заклинаний, приходят реалистические повествования о богачах, муллах, кадиях. Большая часть народных лирических песен была посвящена социально-бытовой тематике. В этих

¹ Из фольклорных материалов, собранных автором работы.

четверостишиях не только воспевались семейные отношения, но и описывались тяготы социальной жизни, явления, происходившие в обществе, взаимоотношения между бедняками и господствующими слоями населения.

Появление антиклерикальных песен было связано, видимо, с тем, что отдельные служители культа пользовались религией как ширмой, совершая порой неблагоприятные поступки:

Кесиб касдин хва кьейила,	Когда у бедняка скончался сын,
Вун клевелай начагъ хьана.	Ты не на шутку приболел.
Садакьани пул ваз гъай(и)ла,	Когда получил садака и деньги,
Вакай зурба къуччагъ хьана ¹ .	Ты стал большим удалцом.

(Здесь и далее подстрочные переводы автора статьи)

Антиклерикальные мотивы переплетаются с семейно-бытовой тематикой и имеют своеобразную форму выражения мысли:

Гадни гатфар чара и(й)идай,	Лето с весной разделяющая,
Паласдаллай яру некьи.	Красная земляника, что на паласе.
Зун дакIандаз некаягъ авур,	С нелюбимым меня свел никяхом,
Ви гъа къве хва къирай, фекьи! [6, с.110].	Пусть твои два сына издохнут, мулла!

В первой части четверостишия говорится о природе, а далее следует хорошо знакомый семейно-бытовым песням всех народов Дагестана мотив – жалоба девушки-горянки на постылого, нелюбимого мужа или её нежелательное замужество.

В дагестанском фольклоре, как и в устно-поэтическом творчестве лезгин, муллы, кадии всегда на стороне богатых, они безучастны к судьбе простых людей. Бессердечие мулл по отношению к бедным хорошо выражено в следующем четверостишии:

Закат къачуз, руфуна тваз,	Закат берешь, съедаешь,
Мад кIани затI аман(и), фекьи?	Что еще тебе надо, мулла?
Зи балаяр гишила таз,	Моих детей оставляя голодными,
Ша вун жемир акъван пехьи! [6, с.110].	Не будь столь бешеным!

Антиклерикальным стихам свойственна ирония. Они (четверостишия. – Г.А.) отличаются большой социальной остротой и правдивостью.

В основе отношений духовенства и простых верующих лежали сугубо личные проблемы. Образ муллы воспринимался настолько негативно, что применялся и в жанре магической поэзии – проклятиях: «Пусть разрушится твой богатый дом, мулла, меня с любимым разлучивший» («Ви къени кIвал чIур хьуй, фекьи, зунни зи яр верем авур») [6, с. 110].

Надо подчеркнуть, что в песнях народ порицает только «служителей культа», никоим образом не выступая против самой религии. В послереволюционное время появляются не только антиклерикальные, но и антирелигиозные тексты, созданные под влиянием государственного атеизма и атеистической идеологии, поэтому эти произведения не следует рассматривать как отражение народных настроений. Произведения советского периода овеяны духом свободы. Это время, когда «народ очнулся ото сна» и сознание горца-труженика значительно изменилось.

¹ Из фольклорных материалов, собранных автором работы.

Чаз хажалат, гьам амач,
Мад бег, фекьи, хан амач,
Куьгьне пис девран амач... [6, с. 300].

Нет ни грусти, ни печали,
Больше нет беков, мулл и ханов,
Рухнул старый злобный мир...

В стихах, насыщенных сарказмом, дается образ муллы, корыстолюбца и обманщика, над убожеством которого потешается народ.

Эвел авай руьгьянир,
Руфун еке пиклер тир куьн [6, с. 286].

Прежнее духовенство,
Вы сосуды с большими животами.

Куьгьне иви квай ваклар,
Ацукьрай квел са чулав пехь! [6, с. 290].

Свиньи со старой кровью,
Пусть сядет на вас черный ворон!

Заключение

В фольклорных текстах народов Дагестана проявляется удивительная духовная близость, сходство взглядов и единая идейная направленность на социальные проблемы своего времени. В народном творчестве мы находим элементы антиклерикализма, протест простых тружеников против экономического угнетения со стороны духовенства. Грозным оружием в этой борьбе была сатира. Именно с ее помощью в фольклоре разоблачается образ муллы, показывается связь и отношение духовенства к богачам.

Проанализировав лезгинские фольклорные тексты, можно прийти к выводу, что между духовенством и простым народом были достаточно сложные отношения. Служителей культа осуждали за их антинародную сущность. Этим и можно объяснить наличие антиклерикальных мотивов и негативное отношение бедняков к муллам, представленные почти во всех жанрах лезгинского фольклора.

Важно отметить, что в фольклорных произведениях антиклерикальной тематики осуждались и подвергались осмеянию только те служители культа, которые отличались невежеством и алчностью. Естественно, среди религиозных деятелей были высоко нравственные и просвещенные алимы, уважаемые и почитаемые народом. В царское, а позже и в советское время религиозное духовенство подвергалось преследованию властей. «...Советской власти не нужен был классовый враг в лице мусульманского духовенства» [7, с. 85].

Песни, посвященные антиклерикальной тематике, отличавшиеся острой социальной направленностью, вызывали интерес у поэтов и писателей того времени. Классики дагестанской литературы Мунги Ахмед («Стихотворец и мулла»), Али-Гаджи из Инхо («Когда умирает бедняк», «Чтобы лопнули вы, будун и дибир», «Будун пусть провалится...»), Манай Алибеков («Муллы»), С. Стальский («Муллы», «Глупец», «Муллам», «Судьи», «Богачи-чиновники»), Гамзат Цадаса («Дибир и хомяк», «Мулла и обманщики»), Азиз Иминагаев («Мулла и девушка»), Загид Гаджиев («Мулла и глобус»), Сагид Абдуллаев («Колыбельная песня муллы») создавали произведения антиклерикального характера, в которых изобличали пороки мусульманского духовенства.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. – М., 1956. – Т. 9. – 471 с.
2. *Вагабова Ф.И.* Формирование лезгинской национальной литературы. – Махачкала, 1970. – 252 с.
3. *Гашарова А.Р.* Жанр притчи в лезгинском фольклоре // *Гуманитарные науки и образование*. – 2017. – № 1 (29). – С. 109–111.

4. Гусейнов М.А. Антиклерикальные мотивы в дагестанской литературе досоветского периода: причины и следствия // Исламоведение. – 2014. – № 4. – С. 86–93.
5. Далгат У.Б. Фольклор и литература народов Дагестана. – М.: Изд-во вост. литературы, 1962. – 206 с.
6. Лезгинский фольклор: сборник текстов / сост. А. Гаджиев. – Махачкала, 2008. – 536 с.
7. Магомедсалихов Х.Г., Ханмагомедов Я.М. Репрессии в отношении мусульманского духовенства в Дагестане в 20–30-х гг. XX века // Исламоведение. – 2012. – № 3. – С. 85–92.
8. Назаревич А.Ф. В мире горской народной сказки (Дагестанские тетради). – Махачкала, 1962. – 366 с.
9. Патеев Р.Ф. Роль печатного капитализма в просвещении мусульманских народов Поволжья и Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Исламоведение. – 2015. – № 2. – С. 101–112.
10. Пословицы лезгинского народа / сост. К.Х. Акимов. – Махачкала: Мавел, 2013. – 396 с.
11. Сатира и юмор народов Дагестана. – Махачкала, 1976. – 400 с.
12. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20 т. Т. 1. Сказки о животных/ под ред. акад. Г.Г. Гамзатова; Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. – М.: Наука, 2011. – 378 с.
13. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20 т. Т. 3. Бытовые сказки/ под ред. акад. Г.Г. Гамзатова; Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. – М.: Наука, 2013. – 566 с.

References

1. Belinsky V.G. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]. Vol. IX. Moscow, 1956, 471 p. (In Russian).
2. Vagabova F.I. *Formirovaniye lezginiskoy natsional'noy literatury* [The Development of Lezghian Ethnic Literature]. Makhachkala, 1970, 252 p. (in Russian).
3. Gasharova A.R. *Zhanr pritchi v lezginском fol'klore* [The Genre of the Parable in Lezghian Folklore] *Nauchno-metodicheskoy zhurnal «Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye»* [Academic and Methodological Journal «Humanities and Education»]. 2017, no. 1 (29), pp. 109–111.
4. Huseynov M.A. *Antiklerikal'nyye motivy v dagestanskoy literature dosovetskogo perioda: prichiny i sledstviya* [Anticlerical Motifs in Dagestan Literature of the Pre-Soviet Period: Causes and Consequences] *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2014, no. 4, pp. 86–93.
5. Dalgat U.B. *Fol'klor i literatura narodov Dagestana* [Folklore and Literature of the Peoples of Dagestan]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1962, 206 p. (in Russian).
6. *Lezginiskiy fol'klor: Sbornik tekstov* [Lezghian Folklore: Collection of Texts] / sost. A. Gadjev. Makhachkala, 2008, 536 p. (in Russian and Lezgin).
7. Magomedsalikhov Kh.G., Khanmagomedov Ya.M. *Repressii v otnoshenii musul'manskogo dukhovenstva v Dagestane v 20–30-kh gg. XX veka* [The Persecution of the Muslim Clergy in Dagestan in the 20–30ies of the 20th Century] *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2012, no. 3, pp. 85–92.
8. Nazarevich A.F. *V mire gorskoy narodnoy skazki (Dagestanskiye tetradi)* [In the World of Highlander's Folk Tales (Dagestan Papers)]. Makhachkala, 1962, 366 p. (in Russian).

9. Pateyev R.F. Rol' pechatnogo kapitalizma v prosveshchenii musul'manskikh narodov Povolzh'ya i Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX v. [The Role of Print Capitalism in Enlightening the Muslim Peoples of the Volga Region and the North Caucasus in the 19th – Early 20th Century] *Islamovedenie* [*Islamic Studies*]. 2015, no. 2. P. 101–112.

10. *Poslovitsy lezginского народа* [*Proverbs of the Lezghian People*] / sost. K.Kh. Akimov. Makhachkala, Mavel, 2013, 396 p. (in Lezgin).

11. *Satira i yumor narodov Dagestana* [Satire and Humor of the Peoples of Dagestan]. Makhachkala, 1976, 400 p. (in Russian).

12. *Svod pamyatnikov fol'klora narodov Dagestana v 20-ti tomakh. T. 1. Skazki o zhyvotnykh* [*The Collection of Monuments of folklore of the peoples of Dagestan in 20 volumes. T. 1. Tales of animals*] / pod red. akad. G.G. Gamzatova; Institut yazyka, literatury i iskusstva imeni G. Tsadasy DNC RAN [Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa DSC RAS]. Moscow, Nauka, 2011, 378 p. (in Russian).

13. *Svod pamyatnikov fol'klora narodov Dagestana v 20-ti tomakh. T. 3. Bytoviye skazki* [*The Folklore Heritage of the Peoples of Dagestan in 20 Volumes. Vol. 3. Household Tales*] / pod red. akad. G.G. Gamzatova; Institut yazyka, literatury i iskusstva imeni G. Tsadasy DNC RAN [Gamzat Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DRC, RAS]. Moscow, Nauka, 2013, 566 p. (in Russian).